

Общие вопросы истории и философии науки

ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, ИЛИ ЧТО МОЖНО ОЖИДАТЬ ОТ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ*

В.А. Суровцев, В.Н. Сыров

На основе анализа «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» рассмотрены основные направления развития современной философии науки. Обоснован тезис, что именно эпистемологическая проблематика создала современную философию.

Ключевые слова: философия науки, эпистемология, логика

Представляется, что потребность обсудить ценность энциклопедических трудов давно назрела, и хорошим поводом для этого может стать издание Энциклопедии эпистемологии и философии науки [1]. Стоит подчеркнуть, что этот труд – явление отнюдь не рядовое для отечественной философской мысли. Если признать, что российских философов в целом не балуют профессиональными и специализированными энциклопедиями и словарями, то без ложной скромности можно говорить о его эпохальном характере для российской философии. Заметим, что Энциклопедия эпистемологии и философии науки значима не только для философской общественности.

Вообще следует отметить, что необходимость издания такой энциклопедии давно назрела, ведь речь идет о тематике и проблематике,

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-03-00039) и в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (мероприятие 1.1., проект «Онтология в современной философии языка»).

© Суровцев В.А., Сыров В.Н., 2011

которая для отечественной философии является отнюдь не новой. Более того, как известно, вопросы философии и методологии науки в советский период были той нишей, которая давала определенную независимость от установок догматически понятого марксизма и потому могла привлекать и концентрировать исследователей, свободных, так сказать, от коллективных предрассудков. Ну а поскольку Энциклопедия эпистемологии и философии науки к тому же подготовлена коллективом Института философии РАН, постольку она является не просто еще одной энциклопедией по еще одной отрасли философии. Данный труд следует рассматривать как отражение и выражение потенциала тех, кто представляет и должен представлять современную отечественную философскую мысль, как продукт, призванный выполнить функцию в некотором смысле конститутивную (но не унифицирующую) по отношению к тому причудливому многообразию, что являет собой нынешняя отечественная философия.

Приступая к анализу значения этого поистине фундаментального труда, стоит начать с актуализации той роли, которую всякого рода энциклопедии и словари выполняют вообще и должны выполнять теперь. Вузovскому преподавателю нет нужды разъяснять ценность обращения к ним, особенно в ситуации, когда отчетливо осознается, что в чтении лекций и проведении семинаров нельзя отставать от времени и при этом невозможно быть специалистом во все разрастающихся и разбегающихся областях философского знания. Очевидна ценность использования энциклопедического издания подобного рода в качестве справочной базы для студентов, да и для всех интересующихся вопросами философии и эпистемологии науки. Поэтому, естественно, от таких текстов ждешь если не откровений, то по крайней мере выработанных стандартов истолкования той или иной терминологии и образцов обсуждения той или иной проблематики.

Однако позволим себе утверждение, что педагогико-просветительская функция энциклопедий есть всего лишь верхушка айсберга. Если копнуть глубже, то становится очевидным, что подобного рода издания объективно могут и призваны выполнять функции не только репрезентации самых разнообразных взглядов, течений, направлений и интеграции усилий и достижений специалистов в тех или иных областях. Собственно говоря, Энциклопедия эпистемологии и философии науки потому и может служить надежным путеводителем в море столь разнообразного материала, что задает и даже должна задавать канон, или парадигму, видения и обсуждения той или иной тематики и проблема-

тики. Представляется, что выработка такого канона, как правило, предполагает сочетание по меньшей мере двух вещей: во-первых, стандарта обсуждения каких-либо вопросов, а во-вторых, достигнутого уровня их решения. Образно говоря, это всегда демонстрация планки, ниже которой мысль не должна опускаться и от которой одновременно она должна отталкиваться в потенциальном прорыве к новым горизонтам.

Для критически настроенных читателей заранее оговоримся, что призыв к формулировке такого канона не следует трактовать как очередное стремление снова подогнать всех под одну гребенку и в корне задушить нестандартные и нетрадиционные подходы. Дело в том, что претензия на создание нового неизбежно требует хорошего знания того, что было сделано до этого, иначе все обернется открытием очередной америки. Вот почему парадигмальная деятельность и плоды ее, воплощенные в любой энциклопедии, необходимы не только преподавателю, но и специалисту-исследователю. Заметим при этом, что именно по причине неразработанности упомянутого канона выглядит вполне правомерной подача материала в форме традиционной энциклопедии, в отличие от западных «Guides» и «Handbooks», зачастую представляющих собой сквозное рассмотрение определенных тем и проблем, существовавших и существующих на протяжении значительных периодов, в контексте тех или иных направлений и написанных, как правило, одним специалистом.

Представляется, что потребность в выработке такого канона насущна именно для нынешней отечественной философской мысли. Пусть это прозвучит категорично, но складывается ощущение, что положение дел, сложившееся в российской философии, можно охарактеризовать не иначе, как движение «без руля и без ветрил». Поэтому наличие многообразных идейных веяний, обилие проводимых конференций и пестрая палитра выпускаемых профессиональных журналов, к сожалению, еще не являются надежным свидетельством развитости и продвинутости отечественного философского дискурса. Скорее, создается ощущение присутствия при множестве микромонологов. Общность пространства обсуждаемой проблематики, или наличие общезначимых проблем, минимально или стремится к нулю. Похоже, что такая же судьба языка, посредством которого философы могли бы приходить к консенсусу или хотя бы понимать друг друга. То же самое можно сказать и об общей судьбе продукции, приходящей к нам с Запада. Не видно, чтобы тематика, проблематика современной мировой философии, да и сами способы обсуждаемых вопросов, в аналитических ли,

постмодернистских ли модификациях, интенсивно осваивались и входили в отечественное интеллектуальное пространство, становясь имманентной частью повседневного профессионального дискурса. Так что присутствие коммуникативного разума пока трудно обнаружить на российских интеллектуальных просторах.

Дело, конечно, не в том, чтобы всех снова привести к общему знаменателю. Но ведь очевидно, что только по общности обсуждаемых проблем в рамках взаимоприемлемой или взаимопереводимой терминологии (как, кстати, и по наличию общезначимых и общеизвестных мест, где эти проблемы обсуждаются) можно судить о качестве и общем уровне развития той или иной сферы мысли, да и просто о существовании единомышленников. То же самое касается необходимости выработки дискурса, посредством которого различные группы профессионального сообщества могли бы общаться друг с другом или хотя бы приходиться к пониманию того, что говорят коллеги. Ведь именно общность обсуждаемых тем и проблем конституирует как сообщество в целом, так и его отдельные части. Поэтому представляется, что такая потребность актуальна, но самое главное, что именно энциклопедическое издание может взять на себя столь трудную, но благородную задачу перехода от общих призывов и деклараций о коммуникации к конструированию конкретного пространства реальной intersubjectивности.

Наш тезис состоит в том, что такую функцию вполне по силам выполнить именно Энциклопедии эпистемологии и философии науки. Нетрудно заметить, что в общем списке философских тем вопросы эпистемологии (теории познания) и философии науки занимают особое место. Как лично ни относиться к этой сфере философских исследований, какие субъективные пристрастия ни испытывай, нельзя отрицать того очевидного, а к настоящему времени уже историко-философского, факта, что именно эпистемологическая проблематика создала современную философию. Поворот, произошедший в европейской мысли в Новое время, – это, по сути, поворот к актуализации вопросов о границах и возможностях человеческого познания. Понятно, что теория познания и теория познания научного суть вещи нетождественные. Также понятно, что современный контекст употребления термина «наука» и контекст его употребления классиками философской мысли существенно различаются. Первый тяготеет к установлению институциональных границ научной деятельности, второй – к пониманию науки как совокупности обоснованных суждений, обладающих статусом

всеобщности и необходимости. Но в любом случае наука как приоритетный объект интереса или научность как принцип подхода к осмыслению любых объектов не утратили своего конститутивного статуса в современной философии.

Это обстоятельство предопределяет особую роль Энциклопедии эпистемологии и философии науки. Опять-таки, каковы бы ни были субъективные пристрастия людей, профессионально занимающихся вопросами эпистемологии науки, объективно именно эта сфера обязана по своему статусу в философском пространстве если не интегрировать, то по крайней мере подвергать экспертизе все мало-мальски значимые философские искания. Эту мысль можно выразить сильнее. Представляется, что статус эпистемологии и философии науки – это статус междисциплинарный по отношению к любым формам духовной продукции, потому функция этой отрасли философского знания должна состоять в том, чтобы быть медиатором, определяющим степень правомерности притязаний той или иной сферы интеллектуальной деятельности и обеспечивающим возможность распространения ее эвристического потенциала на новые территории. Соответственно, от того, насколько эта, так сказать, объективная необходимость субъективно осознается и компетентно реализуется, зависит авторитет данной области философствования и людей, ее представляющих, в глазах философского и научного сообщества в целом.

Надо особо подчеркнуть, что эту роль рассматриваемая Энциклопедия играет по отношению не только к философскому сообществу. Это энциклопедия по философии науки, поэтому и для научного сообщества она должна иметь не меньшее значение. Дело в том, в многообразии подходов, тем и методологий современному ученому разобраться без посторонней помощи весьма непросто. Поэтому Энциклопедия эпистемологии и философии науки может быть тем багажом, который любой исследователь будет использовать в своем путешествии по океану тем и проблем, поистине бескрайнему. Тем самым она может стать надежным путеводителем, к тому же позволяющим увидеть философский смысл тех вопросов, которыми наука занимается. Понятно, что эта Энциклопедия не призвана решать за ученых их проблемы или навязывать им свои решения, но очевидно, что ей по силам показать, что смысл этих проблем может быть шире связанного с их собственно научным эффектом, а значит, и потребностями конкретных наук.

Каким же ресурсом обладает для этого рассматриваемое нами издание? Представляется, что с этой точки зрения не только замысел,

декларированный во вводной статье Энциклопедии, но и его реализация в целом оказались удачными. Интеллектуальное пространство, охваченное вниманием авторов текста, впечатляет. Исследователю, занимающемуся, к примеру, вопросами философии истории и теории исторического познания, будет приятно видеть, что они достаточно полно и компетентно представлены на страницах этого издания. Ведь не секрет, что традиционно (хотя в целом вполне правомерно) эпистемология и философия науки была оккупирована естественно-научной проблематикой. Хорошее впечатление производит широта охвата тем и проблем. Так, среди статей мы можем встретить темы, ставшие традиционными для данной области философии. Кто из слушателей курсов по философии и истории науки не помнит «парадигму» Куна или «эпистемологический анархизм» Фейерабенда! С другой стороны, в издании можно обнаружить присутствие сюжетов относительно свежих, по крайней мере для отечественной традиции, и в частности для эпистемологии. Это, к примеру, статьи о «метанарративе» и «нарративе» или манифесты французского социолога Бруно Латура.

Специалист в области аналитической философии или философии науки отметил бы, наверно, актуализацию вопросов, связанных с проблематикой, вызванной лингвистическим поворотом, когда многие проблемы науки были истолкованы как проблемы понимания специфики ее языка. В результате, как известно, традиционные темы эпистемологии типа соотношения аналитического и синтетического, единичного и общего, эмпирического и рационального стали пониматься как специфические черты различных типов научного дискурса. При этом новым содержанием стали наполняться традиционные «-измы», известные в истории философии. Надо сказать, что в Энциклопедии эпистемологии и философии науки рассматривается достаточно широкий спектр направлений – от хорошо знакомого отечественным философам логического эмпиризма до холизма и прагматизма У. Куайна, внутреннего реализма Х. Патнэма, натуралистических концепций сознания Дж. Сёрла, Д. Деннета и т.д. Подробно излагаются и обсуждаются критические и скептические аргументы по поводу значения научных терминов, представленные Н. Гудменом, С. Крипке и др. При этом следует подчеркнуть, что достижения современных эпистемологических концепций, характерных для англо-американской философии, не просто описываются, – анализируется их терминология и систематизируются их подходы. Кроме того, стоит отметить, что авторы статей рассматривают не только достижения самих философов-аналитиков. Хорошо

представлены отклики на эти достижения специалистов в различных областях научного знания как отражение живого диалога философов и ученых, что хотелось бы видеть и у нас и что данным изданием может быть стимулировано.

Отдельно следует отметить стремление авторского коллектива включить в сферу компетенции эпистемологии и философии науки темы и сюжеты, традиционно располагавшиеся за пределами эпистемологического дискурса. В качестве примеров можно привести статьи о «нуминозном», «архетипе», «табу», «магии», не говоря уже об «апофатическом богословии» и «катафатическом богословии». Надо сказать, что в целом мероприятие подобного рода сопряжено с известным риском стереть любые границы между сферами интеллектуальной деятельности. В исследовательской практике это само по себе и неплохо, но в справочном издании может превратиться в попытку объять необъятное. Поэтому риск достоин уважения, а уж тем более если он оправдан провозглашенными во Введении методологическими ограничениями. Речь идет о последовательном применении принципа, который можно обозначить термином «категоризация» и который в целом соблюдается авторами статей. Ведь очевидно, что включение тех или иных понятий в эпистемологический дискурс требует изменения режима их функционирования. Можно сказать, что из объектов изучения в специальных дисциплинах они должны превращаться в способы видения любой иной проблематики, позволяющие задать оригинальные, а следовательно, эвристически перспективные аспекты ее прочтения. Надо признать, что такая попытка в целом удалась, а это значит, что вдумчивый читатель может найти в тексте не только яркие примеры междисциплинарных пересечений и наложений, но и хорошую методологию реализации самого междисциплинарного подхода.

Но дело здесь не просто в количественном расширении общего репертуара тем, проблем и сюжетов философии и эпистемологии науки. Включение в рассмотрение новой, а иногда весьма неожиданной тематики является лишь одним из следствий применения принципа, или подхода, организующего, интегрирующего, направляющего весь корпус статей данной энциклопедии и достаточно последовательно реализуемого. Речь идет о принципе, который можно назвать «контекстуализацией». Иначе говоря, можно предположить, что своеобразной сверхзадачей создателей текста было стремление рассмотреть и подать вопросы философии и эпистемологии науки в более широком, а именно социокультурном, горизонте. Подход, когда-то дискуссионный

и проявлявшийся, в частности, в спорах между сторонниками «экстерналистской» и «интерналистской» версий развития науки, как видим по изданию, себя хорошо зарекомендовал. Причем реализуется он не только посредством чисто количественного расширения материала, но и благодаря организации самого способа написания статей по темам – как новым, так и традиционным. В итоге перед нами раскрывается более широкая панорама интеллектуальной деятельности и ее плодов и предоставляется возможность увидеть сюжеты, пусть канонические для эпистемологии науки, но в новом свете и новой перспективе.

Надлежит упомянуть и еще об одной новации, так сказать, методико-методологического характера. Речь идет о создании параллельных версий изложения сути отдельных понятий. Думается, что такой прием удачно сочетает необходимую для любой энциклопедии степень конвенциональности в интерпретации тех или иных сюжетов с плюрализмом, столь же неизбежным в любой сфере интеллектуальной деятельности. На наш взгляд, данное обстоятельство только способствует реализации функции и потребности создания канона, о котором говорилось выше, поскольку позволяет расширить и продемонстрировать достигнутую на сегодняшний день общую перспективу обсуждения проблематики. Наличие параллельных версий также дает читателю хорошую возможность судить об уровне осмысления тех или иных тем и проблем, тем более что многие такие версии не только несут альтернативный характер, но и призваны дополнять друг друга, создавая тем самым необходимую полноту описываемой картины.

Наконец, стоит отдать должное демократизму и толерантности редколлегии, поскольку на страницах Энциклопедии эпистемологии и философии науки достаточно широко и оценочно-нейтрально представлены весьма разнообразные философские течения и направления – от марксизма до постмодернизма. При этом хотя текст охватывает круг вопросов, практически совпадающий с тематикой философии как таковой, он не смотрится эклектическим продуктом, когда пытаются, так сказать, запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань. Все статьи независимо от широты тематики выглядят очень органично, поскольку в них соблюдена единая сюжетная линия. С этой точки зрения данное энциклопедическое издание можно рассматривать как хорошую парадигму достижения консенсуса.

Кстати, упоминание о постмодернизме – это хороший повод обратиться к вопросу о еще одной и весьма важной роли энциклопедий в целом и данной энциклопедии в особенности. Ведь сколько ни говори

о вечности философских вопросов, корпус философской мысли постоянно обновляется, поэтому заинтересованному читателю приходится сталкиваться с весьма разноликим материалом как в тематике и проблематике, так и в способах их видения. Но если в интерпретации сюжетов, так сказать, традиционных определенным консенсус в отношении их прочтения достигнут, то этого не скажешь о тематике, для отечественной философии достаточно новой. При этом то, что одними приветствуется как революция в интеллектуальной сфере, как прорыв к новым горизонтам, другими рассматривается как разрушение самих основ философствования и предельное воплощение дилетантизма. Поэтому налицо конфликт или даже хаос интерпретаций, сохраняющийся, на наш взгляд, и по сей день в отечественном культурном пространстве.

Представляется, что здесь Энциклопедия эпистемологии и философии науки также может сыграть свою конструктивную роль. В первую очередь, введение нового дискурса в корпус данного текста будет обеспечивать его легитимацию, освященную к тому же авторитетом серьезного издания и работавшего над ним коллектива. Не будем забывать, что энциклопедия подготовлена Институтом философии РАН. Конечно, такая легитимация и, скажем даже, академизация новой проблематики и новой терминологии самими творцами постмодернистского и постструктуралистского дискурса могли восприниматься весьма неоднозначно, но такова судьба любого продукта интеллектуальной деятельности, претендующего на признание и общезначимость. Поэтому появление его в виде столь серьезного издания есть необходимое условие введения любых новаций в широкий исследовательский оборот, а также признак того, что бури по поводу эвристической ценности «ризомы», «деконструкции», «метанарратива» и тому подобных терминов уже отшумели и настало время кропотливой работы над ними и с ними. Отсюда вытекает еще одна важная задача данной энциклопедии, а именно, задача выработки консенсуса в отношении интерпретации нового понятийного аппарата. Представляется, что в решении этой задачи на энциклопедическое издание возлагается первоочередная надежда. Будем надеяться, что это решение окажется успешным, поскольку основной массив статей подготовлен авторами, которые в отечественной культурной традиции давно признаны как специалисты в своих областях.

Проводя идею о канонизирующей роли энциклопедических изданий в целом и Энциклопедии эпистемологии и философии науки

в частности, обратим внимание на еще один немаловажный момент. Речь идет об одном из жанров написания энциклопедических статей, а именно, об изложении содержания произведений, созданных классиками философской мысли. В свое время Х.Г. Гадамер в «Истине и методе» справедливо указал: «...Мы всегда находимся внутри предания, и это пребывание-внутри не есть опредмечивающее отношение, когда то, что говорит предание, воспринимается как нечто иное и чуждое, но, напротив, оно всегда и сразу является для нас чем-то своим, примером или предостережением, самоузнаванием, в котором... важно не столько познание, сколько непредвзятое слияние с преданием» [2]. Отечественные исследователи по этому поводу столь же справедливо заметили, что успешное осуществление герменевтических операций явно или неявно предполагает наличие единства традиции, внутри которой пребывал бы интерпретатор и которая конституировала бы непрерывность и преемственность его интерпретативной деятельности. Конечно, для российского культурного пространства такая преемственность и конвенциональность традиции, особенно философской, видятся проблематичными в силу всем известных исторических и культурных трансформаций, сотрясавших наше общество на протяжении всего XX в. Можно сказать, что у нас каждый раз приходится начинать заново, а потому понятие «традиция» зачастую выглядит безграничным по объему и поэтому лишенным мало-мальски определенного содержания.

Если это так, то благодаря работе, проделанной авторами Энциклопедии эпистемологии и философии науки, мы имеем дело не просто еще с одной версией изложения содержания ряда философских и научных трудов, не просто с проявлением уважения к традиционной форме представления статей в энциклопедическом издании, а с актом конституирования, легитимации и конкретизации традиции как таковой. Нельзя считать себя специалистом, не пополнив свой интеллектуальный багаж знанием того богатства мысли, которое, собственно говоря, и создало ту или иную сферу духовной деятельности. Понятно также, что подобное включение в предание требует достаточно отчетливой экспликации того, что сообщество таким преданием читает. Поэтому самый факт отбора текстов, преподнесенных в Энциклопедии эпистемологии и философии науки, объективно являет собой конкретизацию формируемого канона. Деятельность эта, результаты которой за рубежом представлены обилием самых разнообразных «handbooks» и хрестоматий, для российской культуры достаточно нова, поэтому эта часть

работы, проделанная авторами данного издания, видится важным вкладом в достраивание отечественного культурного пространства до необходимой целостности и во внесение долгожданной определенности в формирование исследовательской традиции.

Представляется, что реализации этой задачи способствует отход авторов от использования традиционной формы структурирования текста по персоналиям. Поэтому композиция статей, при которой основное внимание уделяется не эволюции воззрений автора, а значению его произведения для философии науки в целом, позволяет не столько создать мемориал славному прошлому, сколько показать единство и непрерывность течения живой традиции. Предпринятый подход хорошо демонстрирует востребованность классики современностью и, с одной стороны, обеспечивает имманентное включение истории философии науки в живую ткань самой философии науки, а с другой стороны, благодаря определению места идеи или произведения в развитии эпистемологической проблематики позволяет провести между ними четкую демаркационную линию.

Конечно, столь широкий охват материала, стремление раздвинуть сложившиеся рамки эпистемологии и философии науки, да и сами предложенные версии прочтения как устоявшихся, так и новых понятий не могут не вызвать дискуссий. Сам по себе такой эффект действия издания неплох, и если он будет иметь место, то это стоит только приветствовать. Ведь тезис о реализации конститутивной функции энциклопедии подразумевает дискуссионную активность, особенно если она будет носить продуктивный характер и концентрироваться вокруг обсуждения эффективности общей концепции текста. Более того, такую активность следует рассматривать как одно из необходимых условий организации профессионального сообщества. Поэтому любые критические замечания нужно воспринимать как приглашение к обсуждению, а значит, к актуализации эпистемологической тематики в отечественном философском пространстве.

Естественно, не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что позиция критиков будет отражать их субъективные пристрастия. Известно ведь, что в философии сколько людей – столько и мнений. Но если попытаться высказать некоторые критические соображения по поводу анализируемого нами текста, то можно указать на следующие моменты. Если посчитать их недостатками, то к числу наиболее общих, т.е. встречающихся в статьях на самые разные темы, следует отнести некоторую затемненность сути тех или иных терминов, либо недоста-

точную прописанность их значения для философии и эпистемологии науки [3]. Возможно, это связано прежде всего с тем, что понятийный аппарат, представленный в рассматриваемой энциклопедии и претендующий на статус категорий, относится к компетенции не только философии науки, но также философии природы и собственно науки. Данное обстоятельство требует известной чуткости в проведении надлежащих демаркационных линий.

Надо заметить, что такая судьба постигла не столько сюжеты, традиционные для данной области исследований, сколько темы новаторские, и это вполне объяснимо. Нам показалось, что в наибольшей степени высказанное выше соображение относится к материалу, связанному с постструктуралистскими и постмодернистскими изысканиями. Создается ощущение, что в описании сути генеалогии, деконструкции, дискурсивных формаций и т.д., да и в изложении ключевых текстов творцов данного направления авторы статей зачастую идут, так сказать, вслед за своими сюжетами и героями. Говоря иначе, они оказываются захваченными их логикой, а прежде всего их языком. Наверное, это тот случай, когда образность, метафоричность, нюансы языковых игр, присущие данному интеллектуальному течению, не столько проясняют, сколько затемняют суть дела, отпугивая тем самым его потенциальных пользователей. Поэтому нам показалось, что здесь более уместными были бы процедуры перевода специфики данных идейных исканий и их выражения в другой тип дискурса или переописания их в терминах другого языка, что, возможно, уничтожило бы часть их первозданного очарования, но, вероятно, облегчило бы их понимание, принятие и применение широкими слоями философской общественности.

Если коснуться частных, то большего ожидалось от статьи о «нарративе», тем более что тексты подобного рода призваны вводить новую тематику в общеполитический и общенаучный оборот. Так, предложенное определение нарратива кажется чрезмерно метафоричным. Почему бы не воспользоваться определением, предложенным, к примеру, Дж. Принсом в его «Словаре по нарратологии» [4], более прозаичным, но и более ясным? Тезисы о нарративе как способе связи сознания и языка, бытия и времени и т.д. лучше бы выглядели в качестве содержательных комментариев к предварительно данному формальному определению. Возможно, не помешала бы краткая характеристика структуры нарратива и стадий развития нарратологии от структурализма к постструктурализму. Ну и наконец, стоило бы уде-

лить большее внимание описанию сути эпистемологического статуса нарратива, хорошо представленного, к примеру, в трудах А. Данто и Х. Уайта.

Что касается прописанности значения тех или иных сюжетов для философии и эпистемологии науки, то логично предположить, что именно эта сторона дела будет вызывать активные споры, возражения и предложения. Так, хотелось бы больше проблемности в изложении содержания статей, чтобы возникновение тех или иных «-измов» рассматривалось как реакция на появление тех или иных конкретных проблем. Например, в энциклопедии хорошо описаны различные направления в философии математики, но встает правомерный вопрос: в рамках решения какой проблемы они возникли? Логично предположить, что их происхождение можно было бы подать через призму проблемы определения природы математического объекта.

Нам показалось, что в отношении некоторых терминов время для их включения в сферу интереса философии и эпистемологии науки все-таки еще не пришло. В частности, это относится (естественно, на наш субъективный взгляд) к статьям о «табу», «тотемизме», «жертвоприношении» [5]. По крайней мере, по содержанию статей можно хорошо понять сущность данных культурных феноменов, но трудно или невозможно определить их релевантность для теории научного познания. Кстати, почему бы тогда наряду со статьей о «нуминозном» не включить в издание статьи о «сакральном» и «профанном», которые уже давно рассматриваются как категории, конституирующие формы восприятия и бытия для мифологического и религиозного сознания?

С другой стороны, представляется, что вполне имманентными тематике данного энциклопедического издания были бы статьи о «нарратологии» или «поэтике», к примеру. Нарратология, оформившаяся как дисциплина в 60-е годы, давно уже вышла за рамки литературоведения и к настоящему времени приобрела самостоятельный характер как общая теория структуры и функций нарратива в любой сфере интеллектуальной и практической деятельности. Некоторыми авторами был даже провозглашен «нарративистский поворот» [6]. Ну а что касается тезиса о том, что нарратив является одной из форм описания и объяснения, доминирующей в обыденном сознании и достаточно распространенной в научной деятельности, так его уже вполне можно считать общепринятым. В свое время американский философ истории Л. Минк рассматривал нарратив как один из трех универсальных модусов понимания объектов, наряду с теми, которые он именовал «теоретическим»

и «категориальным» модусами [7]. То же касается места и роли поэтики или риторики, к примеру, в современном исследовательском дискурсе. Сфера их применения давно превзошла границы литературоведения; в частности, с легкой руки Х. Уайта они стали составной частью исторической теории [8]. Кстати, по той же причине вполне уместной в общем корпусе статей была бы статья о «постмодернизме» наряду со статьей о «постструктурализме». Ну а если вспомнить о роли Энциклопедии эпистемологии и философии науки в формировании интеллектуального канона, то в той части, которая касается философско-исторической тематики, вполне оправданным выглядел бы анализ трудов, бесспорно ставших классическими, а именно, «Аналитической философии истории» А. Данто и «Метаистории...» Х. Уайта.

Что касается замечаний технического характера, то бросается в глаза некоторая непропорциональность объема статей по персоналиям в Глоссарии. Об одних мыслителях достаточно подробно написано, кто они, чем занимались и какие труды создали, а об иных сказано в буквальном смысле два слова. Возможно также, что в конце этих статей не помешало бы указание на страницы издания, где упоминаются соответствующие имена. Ну и наконец, возможно, стоило бы усилить момент гипертекстуальности, а именно, в конце каждой статьи дать ссылки на статьи по сходной тематике.

Споры, конечно, можно продолжать до бесконечности, предложениям и возражениям не будет конца, но одно кажется несомненным: предпринятая авторами данного издания работа поистине носит фундаментальный характер, стратегия выбора сюжетов и написания статей представляется продуктивной. Стоит повторить еще раз тот тезис, с которого начиналось обсуждение данного текста: в контексте современного состояния отечественной философской мысли на издания подобного рода могут, будут и должны возлагаться особые надежды, от них ждут реализации функции интегральной и интегрирующей. Поэтому, как говорится, большому кораблю – большое плавание, а мы будем надеяться, что ожидания научного и философского сообщества, возлагаемые на данный труд, окажутся не напрасными.

Примечания

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. – 1232 с.
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – С. 335.

3. В ряде статей, посвященных тем или иным трудам, в финале не помешало бы упомянуть о роли (новизне в первую очередь) данных текстов в истории формирования той или иной сферы мысли.

4. См.: *Prince G. A Dictionary of Narratology*. – Scolar Press, 1988. – P. 58–60.

5. В списке литературы к статье «Жертвоприношение» лучше было бы указать на работу М. Мосса «Очерк о природе и функциях жертвоприношения», в которой, по общему признанию, была впервые сформулирована универсальная структура жертвоприношения, а также на труд Р. Жирара «Насилие и священное», где предложена наиболее оригинальная концепция функции жертвоприношения.

6. См.: *Kreiwirth M. Tell me a story: The narrativist turn in the human sciences // Constructive Criticism: The Human Sciences in an Age of Theory/ Ed. by M. Kreiwirth and T. Carmichael*. – Univ. of Toronto Press, 1995. – P. 61–87.

7. См.: *Mink L.O. Modes of comprehension and the unity of knowledge // L.O. Mink Historical Understanding*. – Cornell Univ. Press, 1987. – P. 35–41.

8. См.: *Vaïm X. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века*. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002.

Дата поступления 18.09.2011

Томский государственный
университет, г. Томск
surovtsev1964@mail.ru
narrat@inbox.ru

Surovtsev, V.A. and V.N. Sirov. On a heuristic potential of encyclopedic editions. or What may we expect from the Encyclopedia of epistemology and philosophy of science?

Basing on the analysis of the Encyclopedia of epistemology and philosophy of science the authors consider principal trends in the development of modern philosophy of science. They ground the thesis that it is a range of epistemological problems that originated modern philosophy.

Keywords: philosophy of science, epistemology, logic